

ПАЛИНОДІЯ ²
ЗАХАРІИ КОПЫСТЕНСКАГО

И
ЕЯ МѢСТО ВЪ ИСТОРИИ
ЗАПАДНО-РУССКОЙ ПОЛЕМИКИ
XVI и XVII вв.

ИЗСЛѢДОВАНИЕ

В. З. ЗАВИТНЕВИЧА.

ВАРШАВА.

ВЪ ТИПОГРАФИИ ВАРШАВСКАГО УЧЕБНАГО ОКРУГА.

1883.

Дозволено духовною цензурою.
Варшава, 1883 г. Мая 15 дня.
Цензоръ, протоіерей Н. Чеховичъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ исторіи юго-западно русской полемической литературы, вызванной латиноуніатскою пропагандой, можно намѣтить два періода: первый обнимаетъ конецъ XVI и первую половину XVII в., второй—вторую половину XVII и начало XVIII в. Представителями перваго періода были лица, выходившія изъ греко-славянскихъ братскихъ школъ, представителями втораго—воспитанники кіево-могилянскоі академіи. Первый періодъ характеризуется преобладаніемъ въ полемикѣ историческаго элемента надъ богословскимъ, второй—преобладаніемъ богословской стороны надъ историческою. Предметомъ для настоящаго изслѣдованія мы избрали полемическую литературу перваго періода и главнымъ образомъ остановились на одномъ изъ выдающихся ея памятниковъ, „Палинодіи“ З. Копыстенскаго, написанной въ 1621—22 годахъ. Но такъ какъ полная историческая оцѣнка это-

го памятника возможна была только подъ условіемъ разсмотрѣнія его въ связи съ предшествующей ему полемикой, то оказалось необходимымъ изслѣдованію о „Палинодіи“ предпослать обзоръ западнорусской полемической литературы конца XVI и начала XVII в., что и составило первую половину нашего труда. Вторую же его половину составляетъ изслѣдованіе о самой „Палинодіи“, какъ литературно полемическомъ памятникѣ, — въ связи съ біографическимъ изслѣдованіемъ о жизни и ученой дѣятельности З. Копыстенскаго. Частіе въ нашемъ сочиненіи можно намѣтить слѣдующихъ пять отдѣловъ.

I. Въ первомъ отдѣлѣ рассмотрены разнаго рода историческіе факторы, вліявшіе на выработку отношенія между русскимъ православіемъ и польскимъ католицизмомъ въ періодъ до брестской уніи, — отношенія, оказавшаго вліяніе на ходъ самой полемики.

II. Второ́й отдѣлъ посвященъ историко-литературному обзору полемической литературы конца XVI и начала XVII в. до „Палинодіи“ З. Копыстенскаго.

III. Третій отдѣлъ представляетъ біографическое изслѣдованіе о жизни и ученой дѣятельности З. Копыстенскаго.

IV. Четвертый отдѣлъ имѣетъ своимъ предме-

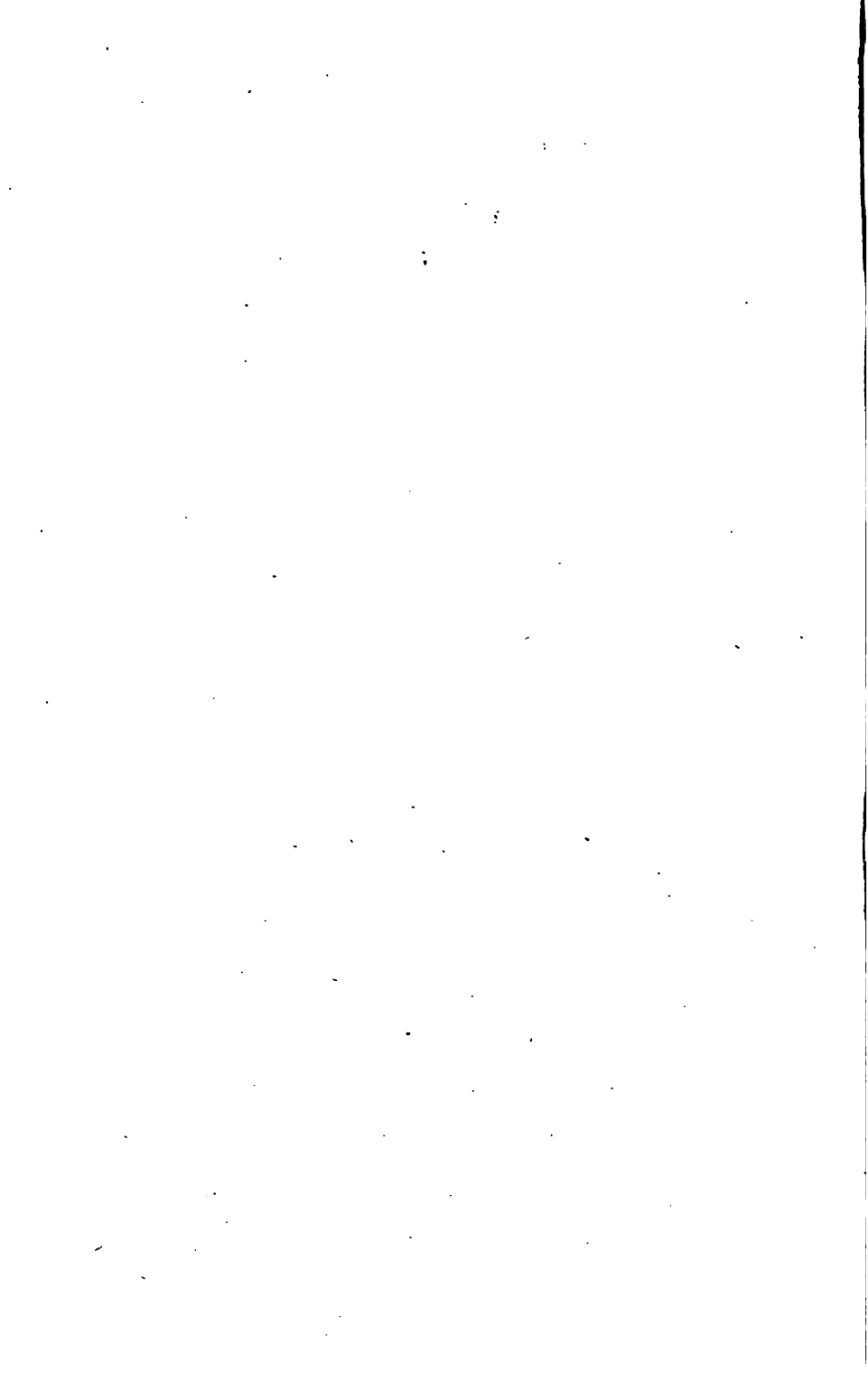
томъ изслѣдованіе о „Палинодіи“, какъ литературно полемиическомъ памятникѣ.

У. Въ пятomъ, наконецъ, отдѣлѣ излагается общее содержаніе „Палинодіи“, въ связи съ Оброной Уніи“ Л. Крєвзы.

Источниками для насъ служили, главнымъ образомъ, самые памятники полемиической литературы. Для ученой разработки этихъ памятниковъ до настоящаго времени сдѣлано было весьма мало. Только въ послѣднее время С.-Петербургская Археографическая Коммисія обратила серьезное вниманіе на этотъ отдѣлъ нашей литературы и, благодаря трудамъ Члена Коммисіи, П. А. Гильтебрандта, часть этихъ памятниковъ издана въ „Русской Исторической Библіотекѣ“, двѣ книги которой посвящены почти исключительно „Памятникамъ полемиической литературы въ Западной Руси“ (первая и вторая). Попытокъ ученаго изслѣдованія въ области этой литературы еще меньше. Какъ на серьезный опытъ въ этомъ родѣ, можно указать только на изслѣдованіе „Объ Апокрисисѣ Христофора Филалета“ Н. А. Скабановича. Отдѣльныя же Историко-библіографическія свѣдѣнія по этому предмету можно встрѣчать въ трудахъ русскихъ и польскихъ историковъ и библіографовъ. Сравнительно большаго вниманія въ этомъ случаѣ заслуживаютъ „Замѣ-

чанія объ источникахъ для исторіи литовской Церковной уніи“, помѣщенные въ качествѣ приложенія къ первому тому „Литовской Церковной Уніи“ М. О. Бояловича, брошюра „О старопечатныхъ книгахъ“ С. Т. Голубева и VIII т. Исторіи литературы Вишневецкаго, отличающійся впрочемъ болѣе библіографическимъ, чѣмъ историческимъ характеромъ. Вообще нужно замѣтить, что разсматриваемая литература заслуживаетъ большаго вниманія, чѣмъ какое ей до этого времени отводилось. Особенно важный пробѣлъ въ этомъ случаѣ составляетъ отсутствіе болѣе или менѣе полнаго библіографическаго указателя. Отыскивая себѣ дорогу, такъ сказать, ощупью, и останавливаясь по необходимости только на томъ, что случайно попадаетъ подъ руку, изслѣдователь легко можетъ выпустить изъ виду много такого, что заслуживаетъ серьезнаго вниманія. Само собою разумѣется, что полное и всестороннее изслѣдованіе исторіи разсматриваемой литературы въ настоящее время еще не мыслимо и сдѣлается возможнымъ лишь подъ условіемъ предварительнаго появленія ряда отдѣльныхъ монографій. Цѣль настоящаго нашего труда и заключается именно въ томъ, чтобы пролить хотя нѣкоторый свѣтъ на эту сравнительно еще очень темную область нашей исторіи и привлечь ученыя силы къ ея разработкѣ. Имѣя

ЭТО ВЪ ВИДУ, МЫ ПОСТАВИЛИ СВОЕЮ ЗАДАЧЕЮ, ВО ПЕРВЫХЪ, ПРОСЛѢДИТЬ ОБЩІЙ ХОДЪ ПОЛЕМИКИ ВЪ УКАЗАННЫЙ ПЕРІОДЪ ВРЕМЕНИ, НАМѢТИВЪ ВАЖНѢЙШІЕ ФАЗИСЫ ВЪ ЕЯ РАЗВИТІИ, ВО ВТОРЫХЪ, ДАТЬ ВОЗМОЖНО ТОЧНОЕ ПРЕДСТАВЛЕНІЕ О ЛИЧНОСТИ З. КОПЫСТЕНСКАГО, КАКЪ АВТОРЪ „ПАЛИНОДІИ“ И, ВООБЩЕ, КАКЪ ОБЪ ОДНОМЪ ИЗЪ ВЫДАЮЩИХСЯ УЧЕНЫХЪ ЗАПАДНО-РУССКИХЪ ДѢЯТЕЛЕЙ СВОЕГО ВРЕМЕНИ И, ВЪ ТРЕТЬИХЪ, СДѢЛАТЬ ВОЗМОЖНО ПОЛНУЮ ОЦѢНКУ САМОЙ „ПАЛИНОДІИ“, КАКЪ ПОЛЕМИЧЕСКАГО ПАМЯТНИКА. САМО СОБОЮ РАЗУМѢТСЯ, ЧТО ВЪ НАШЕМЪ ТРУДѢ МОЖЕТЪ ОКАЗАТЬСЯ МНОГО КРУПНЫХЪ НЕДОСТАТКОВЪ; НО ЭТО НАСЪ НИ МАЛО НЕ СМУЩАЕТЪ, ПОТОМУ ЧТО ТАКОВЪ УДѢЛЪ ВСѢХЪ ПЕРВЫХЪ РАБОТЪ ВЪ ОБЛАСТИ МАЛОИЗСЛѢДОВАННЫХЪ ПРЕДМЕТОВЪ: КЪ ИСТИНѢ ЛЮДИ ПРИХОДЯТЪ ПУТЕМЪ ОШИБОКЪ.

Западно-русская богословско-полемиическая литература конца XVI и начала XVII в. до Палинодіи Захаріи Копыстенскаго.

I.

Отъ историка не требуется особенной наблюдательности, чтобы онъ могъ замѣтить тотъ фактъ, что почти вся западно-русская полемиическая литература конца XVI и первой половины XVII в., какъ со стороны своего возникновенія, такъ и со стороны дальнѣйшаго историческаго развитія, стоитъ въ самой тѣсной, непосредственной связи съ событіемъ, извѣстнымъ въ исторіи западно-русской Церкви подъ именемъ Литовской церковной уніи. Связь эта проглядываетъ какъ въ самомъ содержаніи тогдашнихъ полемиическихъ сочиненій, прямо или косвенно направленныхъ, какъ извѣстно, къ разработкѣ тѣхъ или другихъ вопросовъ, затронутыхъ современной уніатской пропагандой; такъ точно ее подтверждаетъ и непосредственное сознаніе современниковъ: „Если-бы нѣкоторыхъ отъ духовенства нашего отступление отъ законнаго своего въ вѣрѣ пастыря не послѣдовало, говорилъ Древинскій въ извѣстной своей рѣчи на Варшавскомъ сеймѣ 1620 г., если-бы отъ насъ изшедшіе на насъ не возстали, то таковыя науки, таковыя училища, толико достойные и ученые люди въ народѣ

Россійскомъ никогда бы не открывались“¹⁾. И это совершенно помято. Въ исторіи западно-русской церкви нельзя указать другаго явленія, которое бы произвело столь сильное, возбуждающее вліяніе на пробужденіе народнаго самосознанія и которое бы вызвало Литовско-русскій православный народъ къ столь энергической, по временамъ въ высшей степени плодотворной дѣятельности, какъ это можно сказать относительно Латинопольской уніатской пропаганды конца XVI и начала XVII в. Дѣятельность эта, сообразно съ характеромъ веденія вызвавшей ее пропаганды, естественно, должна была принять самыя широкіе размѣры, и должна была развиваться въ самыхъ разнообразныхъ направленіяхъ; но всего сильнѣе и всего рельефнѣе она должна была выступить въ той сферѣ своего проявленія, которая ближе всего граничила съ самою сущностью дѣла. Уніатская пропаганда имѣло дѣло, главнымъ образомъ, съ вѣрой народа, она, такимъ образомъ, затрогивала ту сторону его интересовъ, въ которой сосредоточивается все, что только есть идеальнѣйшаго въ сознаніи массы и къ чему, слѣдовательно, особенно чувствительна бываетъ ея совѣсть. Понятно, что всякая добровольная уступка въ пользу уніи—а въ данномъ случаѣ, строго говоря, только о такого рода уступкахъ и могла быть рѣчь—возможна была лишь подъ условіемъ воспитанія въ народѣ убѣжденія, что приносимая имъ жертва есть лишь простое отреченіе отъ стараго заблужденія, есть простое принятіе неизвѣстной для него доселѣ истины, прямѣе говоря, она возможна была лишь подъ условіемъ примиренія религіозной совѣсти народа съ навязываемыми ему

¹⁾ Истор. Уніи Бант. Кам. стр. 69.

нововведеніями; а этого, безъ сомнѣнія, всего естественнѣе было достигнуть путемъ непосредственнаго воздѣйствія на народное сознаніе. Нужно-ли при этомъ толковать о томъ, что однимъ изъ болѣе прямыхъ и болѣе дѣйствительныхъ средствъ для выработки въ сознаніи православныхъ западно-руссковъ уніонныхъ понятій и, слѣдовательно, для примиренія ихъ съ самымъ фактомъ уніи, должна была служить полемическая литература, и нужно-ли повторять ту общеизвѣстную истину, что православные, если они хотѣли парализировать дѣйствие этого могущественнаго оружія противниковъ, должны были выступить на борьбу съ соотвѣтствующимъ же оружіемъ? Такимъ образомъ, вызванная уніатской пропагандой полемика въ нашемъ сознаніи рисуется не иначе, какъ въ формѣ борьбы двухъ сторонъ за сознаніе западно-русскаго православнаго народа, или точнѣе выражаясь, за право господства въ этомъ сознаніи тѣхъ, а не иныхъ религіозныхъ воззрѣній, или что тоже — за право примиренія или непримиренія этого сознанія съ фактомъ уніи. Но при этомъ нужно замѣтить, что такое крупное и такое сложное историческое явленіе, какимъ, безспорно, была литовская церковная унія, не могло совершиться за одинъ, такъ сказать, пріемъ: сложный планъ уніи не могъ сразу реализироваться въ одномъ какомъ нибудь актѣ; а, напротивъ, реализація его должна была совершиться посредствомъ множества послѣдовательно выступавшихъ отдѣльныхъ актовъ. А такъ какъ каждый изъ такихъ отдѣльныхъ актовъ былъ своего рода событіемъ, въ большей или меньшей степени оставивавшимъ на себѣ народное сознаніе, то понятно, что каждый изъ нихъ, каждое болѣе или менѣе крупное событіе, направленное къ уніональнымъ цѣлямъ, должно

было становиться предметом литературной борьбы, такъ какъ каждое изъ нихъ рассчитано было, такъ сказать, на обладѣніе тѣмъ или другимъ уголкомъ въ народномъ сознаніи. И дѣйствительно, обращаясь къ фактамъ, мы видимъ, что, съ одной стороны, предъ нами выступаетъ рядъ латино-уніатскихъ полемическихъ сочиненій, предназначавшихся, частію для подготовки народнаго сознанія къ принятію еще имѣвшихъ послѣдовать тѣхъ или другихъ событій уніональнаго характера, частію же для примиренія религіозной совѣсти народа уже съ самымъ фактомъ совершенія этихъ событій; съ другой стороны, мы встрѣчаемся съ православной полемической литературой, которая, заключая въ себѣ болѣею частію отвѣтъ на полемику латино-уніатовъ, въ свою очередь, предназначалась по преимуществу къ охраненію народнаго смысла отъ увлеченія уніатской пропагандою и къ парализированію тѣхъ успѣховъ, которыхъ первая достигала частію путемъ полемической литературы, частію же посредствомъ различныхъ практическихъ мѣръ. Такимъ образомъ, мы видимъ, что частныя историческія событія и отдѣльныя явленія въ сферѣ литературной полемики, благодаря единству своихъ задачъ, переплетаясь другъ съ другомъ, вступаютъ между собою въ причинную связь. Съ другой стороны не трудно замѣтить, что и послѣдовательно выступавшія историческія событія, около которыхъ группировались отдѣльныя полемическія сочиненія, въ свою очередь, не только не должны были оказаться другъ въ отношеніи къ другу въ изолированномъ положеніи, но напротивъ, будучи лишь отдѣльными моментами въ процессѣ реализаціи одного постепенно вырабатывавшагося плана уніи, естественно, должны были заключать въ себѣ генетическую связь,

становясь другъ къ другу въ отношеніе причины къ слѣдствію. И такъ, въ данномъ случаѣ, въ нашемъ сознаніи рисуются два ряда явленій, гдѣ отдѣльныя звенья каждаго ряда стоятъ въ тѣсной причинной связи не только другъ съ другомъ, но и съ соотвѣтствующими себѣ звеньями другаго, параллельно идущаго ряда. Конечно, тотъ сильно погрѣшилъ-бы противъ истины, кто задумалъ-бы утверждать, что высказанная нами общая мысль непременно вѣрна и во всѣхъ своихъ деталяхъ. Кто сколько нибудь знакомъ съ ходомъ историческихъ событий, тотъ, безъ сомнѣнія, знаетъ, что въ области этого рода явленій, больше чѣмъ гдѣ нибудь, можно встрѣтить множество фактовъ, которые, по крайней мѣрѣ въ нашемъ сознаніи, никакъ не могутъ быть подведены подъ тотъ или другой общій законъ, которые ни какъ не укладываются въ созданныя нами для нихъ узкія рамки. Если же мы въ данномъ случаѣ рѣшились прибѣгнуть къ этому не всегда надежному приему обобщенія, то это единственно для того, чтобы установить общій принципъ, при помощи котораго можно было-бы хоть сколько нибудь ориентироваться въ массѣ тѣхъ разнообразныхъ и малоизслѣдованныхъ фактовъ, съ которыми намъ придется имѣть дѣло въ настоящемъ нашемъ изслѣдованіи. Какъ бы то ни было, во всякомъ случаѣ, сказанное даетъ намъ право признать несомнѣнно вѣрнымъ слѣдующее, существенно важное для насъ въ данномъ случаѣ, положеніе: сдѣлать надлежащую оцѣнку того или другаго полемическаго сочиненія, указать его настоящее историческое значеніе, можно не иначе, какъ только въ связи, во 1-хъ, съ ходомъ современныхъ ему историческихъ событий, подготовившихъ почву для его содержанія, во 2-хъ, въ связи съ предшествовавшей ему литературной поле-

мией, отъ которой зависѣла его общая программа и даже степень его научной состоятельности. Если это положеніе вѣрно вообще, то тѣмъ болѣе оно имѣетъ мѣсто въ отношеніи къ главному предмету нашего изслѣдованія. Настоящій очеркъ литературы конца XVI и начала XVII в. предназначается служить лишь введеніемъ въ изслѣдованіе о „Палиподіи“ Захаріи Копыстенскаго. Палиподія Захаріи Копыстенскаго, по времени своего появленія, занимаетъ далеко не первое мѣсто среди современной ей православной полемической литературы. Прежде чѣмъ Копыстенскій принялся писать это свое сочиненіе, западно-русская полемическая литература насчитывала у себя уже цѣлый рядъ сочиненій, въ которыхъ было поставлено и такъ или иначе разсмотрѣно нѣсколько вопросовъ, выдвинутыхъ современною жизнью, мѣтко подхваченныхъ и по своему перетолкованныхъ полемистами противной стороны. Копыстенскій, какъ новый полемистъ, если только онъ не хотѣлъ остаться гласомъ вопіющаго въ пустынѣ, долженъ былъ, съ одной стороны, взвѣсить все, сдѣланное его предшественниками, и что было тамъ слабаго, осужденнаго временемъ, подновить и подкрѣпить сообразно съ измѣнившимися запросомъ времени; съ другой стороны, онъ долженъ былъ оказаться чуткимъ и къ тѣмъ вопросамъ, которые вновь выдвинула идущая своимъ чередомъ жизнь. Отъ того, на сколько въ Палиподіи принята во вниманіе указанная задача и на сколько авторъ счумѣлъ воспользоваться всѣми доступными для него средствами для ея выполненія,—отъ этого, говоримъ, зависитъ и большее или меньшее ея историческое значеніе. Понятно, что такая постановка вопроса налагаетъ на изслѣдователя обязанность познакомиться сначала съ тѣми предшество-

вавшими историческими условіями, отъ которыхъ зависѣла подготовка выпавшей на долю Копыстенскаго, какъ полемиста, задачи. Къ этимъ условіямъ, какъ замѣчено, относятся, какъ предшествовавшая по времени Палинодіи полемическая литература, такъ и тѣ историческія обстоятельства, отъ которыхъ зависѣлъ самый ходъ развитія этой литературы. На этихъ-то обстоятельствахъ мы и остановимъ сначала наше вниманіе.

Прежде всего мы должны замѣтить, что когда въ концѣ XVI в. латино-польская пропаганда прямо и открыто начала проводить свои уніонныя тенденціи, когда она рѣшилась прибѣгнуть къ рѣшительнымъ мѣрамъ для вербовки новыхъ поклонниковъ папы среди православнаго литовско-русскаго народа, въ сознаніи послѣдняго, благодаря предшествовавшимъ историческимъ условіямъ, уже существовалъ болѣе или менѣе опредѣленный взглядъ на римско-католическую церковь и въ общемъ характеръ отношенія къ ней уже скрывались болѣе или менѣе сильныя задатки симпатій или антипатій. Съ тѣхъ поръ какъ русское православіе вошло въ столкновеніе съ польскимъ католицизмомъ, эти два совершенно своеобразные элемента не могли стать другъ къ другу въ индифферентныя отношенія, равно какъ который нибудь одинъ изъ нихъ не могъ быть сразу подавленъ и ассимилированъ другимъ; напротивъ, характеръ ихъ отношенія долженъ былъ получить опредѣленную окраску, которая подъ вліяніемъ историческихъ условій могла измѣняться, могла принимать то болѣе мягкій и нѣжный, то сильный и рѣзкій цвѣтъ и тонъ; но самый фактъ ея существованія долженъ былъ оставаться и дѣйствительно остался навсегда. Вообще, уніатской пропагандѣ пришлось имѣть дѣло далеко не съ дѣвственной почвой. Въ этой почвѣ